

Патрик Баркэм

Coastlines

Перевод Ольги Полей

Самое первое мое воспоминание о море – я в оранжевом спасательном жилете, который мне ужасно велик, сижу на деревянной лакированной скамейке и вслушиваюсь в какофонию новых для меня звуков: крики болотных птиц и дребезжание-хлопанье на ветру такелажа парусных лодок, сбившихся в кучки в тесном порту. Непривычный едкий запах штормовок, соли и болотной тины перебивает вонюю синего дымка от лодочного мотора, и вот мы уже плывем: все наше семейство в маленькой лодочке, а с нами еще один здоровенный, разухабистого вида малый, кудрявый, покрытый густым загаром – он сидит на руле. Мне года два, а впрочем, может быть, уже все три, или четыре, или пять: в конце семидесятых мы проводили короткие майские каникулы на острове Сколт-Хед четыре года подряд. Это маленький, почти всегда безлюдный холмик-островок у берега Норфолка, во время отлива его отделяет от материка лишь обманчиво-скромного вида протока. Во время прилива так и кажется, что его уносит в море, все дальше от берега. С высоты птичьего полета эти четыре мили песчаных дюн и солончаков иногда напоминают зародыш человека. Сколт, единственный островок у восточного берега от островов Фарн до Эссекса, давно уже заметили геологи и первые натуралисты – в качестве заповедника для птиц и гнездовья морских ласточек – крачек. Это был один из первых участков морского побережья, приобретенных Национальным трестом – в 1923 году, за 500 фунтов.

Население острова – один человек. Удобства – деревянная хибарка без электричества, туалета и водопровода, которую все зовут Хижиной. Возможно, это и правда красивейший из всех прибрежных барьерных островов Британии, и все же открытый всем ветрам клочок земли без единого деревца – довольно странный выбор для пляжного отдыха, это уж надо быть такими любителями живительного уединения, как мои родители. Сейчас-то нас всех потянуло к девственной

природе, и местечки вроде Сколта, редкие дикие уголки в перенаселенной южной Англии, стали ценить и беречь, но все же трудно представить, чтобы этот остров мог внушить маленькому ребенку неодолимую тягу к морским берегам. Недолгая болтанка в лодке, управляемой единственным летним обитателем Сколта – обветренным до бронзовой смуглоты смотрителем Бобом Честни, – успела нагнать на меня страху, а жизнь на острове и вовсе выбила из колеи. Распахнутые во всю ширь горизонты Норфолкского побережья не очень-то гармонируют с крошечными горизонтами ребенка. И в память мне с первых дней врезались не идиллические открыточные виды, а то, каких колоссальных усилий стоило вскарабкаться на дюну, как летел в глаза песок и хлестали по ногам стебли песчаного тростника. пляж, насквозь продуваемый ветром, был сущим кошмаром, а что касается солончаков – они запомнились тем, что в них папа рыл глубокие ямы, куда торжественно опускал вонючие ведра с нашими какашками. Дети по своей природе консерваторы, адепты порядка и стабильности, так что от тех дней у меня осталось одно-единственное радостное воспоминание: как я катаю матчбуксовские машинки по вымощенной камнем площадке возле Хижины (она находилась с южной стороны и была милосердно укрыта от северного ветра).

Если дети умеют открывать двери в забытые воспоминания, то же самое можно сказать и о местах, где ты когда-то побывал. Остров Сколт-Хед стал зримым памятником тем далеким временам моей жизни, что уже почти скрылись из виду. Теперь-то я понял одну из причин, почему каникулы, проведенные там, заволокло в памяти таким непроглядным туманом: мои родители стерли этот остров с нашей семейной ментальной карты Норфолка. Что-то такое произошло на Сколте в 1980 году, в Духов день, после чего мы уже никогда больше не приезжали в Хижину. Мама с папой, казалось, были почти травмированы этой потерей и иногда говорили о Сколте с тоской, как говорят о потерянной любви. Расставание с этой Аркадией было горьким, и я так никогда толком и не понял, в чем же там было дело. Почему мы уехали с острова и почему так никогда больше и не вернулись? Я надеялся, что, приехав туда снова, пойму наконец, отчего же я все-таки так отчаянно полюбил море, после такого-то не слишком многообещающего знакомства. И если уж я решился отправиться на поиски своих детских впечатлений, Сколт был, пожалуй,

самым подходящим местом для того, чтобы попытаться пережить их вновь. В своем замечательном эссе о поездке на этот остров Каспар Хендерсон писал о нем как о месте, где можно предаваться тому, что даже лучше мечты – гипнагогии, переходному состоянию между сном и бодрствованием. «Психологи предполагают, что это душевное состояние характерно для совсем маленьких детей, которые еще почти не имеют понятия о прошлом и будущем, зато живут полной жизнью в настоящем и потому переживают его так, как очень редко удается взрослым, – писал Хендерсон. – Однако гипнагогия, или состояние, близкое к ней, может играть важную роль и для взрослых: она помогает по-иному представить себе прошлое и будущее, а также оценить масштабы настоящего». Вскоре после наших крэкингтонских каникул я отправился на Сколт – один. Сколт принадлежал Национальному тресту, но его арендовала Natural England – государственная природоохранная организация, и единственным жильем там по-прежнему была все та же Хижина, где мы когда-то провели те четыре коротких отпуска. Теперь отдыхающих в Хижину пускать было запрещено, и находиться на острове разрешалось лишь действительно серьезным ученым – таким, например, как профессор Кембриджа, ведущий мировой эксперт по новозеландским улиткам. К счастью, смотритель Сколта согласился, что эту книгу тоже можно считать своего рода исследованием побережья, и мне любезно предоставили право поселиться в Хижине на неделю. Не было уже Боба Честни, старого смотрителя, и некому было отвезти меня на Сколт на лодке. Пришлось брести пешком по лабиринту болот и ручьев, дождавшись отлива. Я оставил машину в Бернхэм-Дипдейл и ранним июльским утром направился чьим-то следам, отпечатавшимся в грязи, к берегу протоки Нортон-Крик, которая и делала Сколт островом. Мне уже случалось переходить вброд такие же приливные ручьи в соседних Уэллсе-у-моря и Торнхеме, и это бывало на удивление жутковато. Вода бурая, дна не видно, а приливные течения, пожалуй, при желании могут и с ног сбить. Нортон-Крик при отливе едва достигал 50 метров в ширину, и все же сердце у меня заколотилось, когда нога погрузилась в тину и я запнулся за мидиевую банку, темной полоской выступавшую под водой. Волны тут были мне едва по колено, и все же, дойдя до другого берега, я остановился и оглянулся на материк в радостном возбуждении.

Вот я и вернулся на остров моего детства. В геологическом плане Сколт был еще грудным младенцем – всего-то каких-нибудь лет восьмисот, он все время рос и вновь растворялся в воде, а сложен был из песка и гальки. Вначале это была просто каменная гряда в мелком Северном море, потом его снесло северными ветрами к берегу и на запад – дрейфом вдоль береговой линии. Непрерывающаяся работа моря добавляла все новые и новые гребни гальки к оконечности острова – они тянулись все дальше на запад, а затем их сносило к югу, вглубь побережья. На гребнях образовались песчаные дюны, а наносы земли и узкие каналы между этих дюн превратились в солончаки – замысловатую сеть капилляров, которые вбирали в себя, а затем вновь выпускали морскую воду во время приливов и отливов. Каждая гряда, каждое болото имело свое название: Уайр-Хиллз, Лонг-Хиллз, Пантаго-Марш, Пlover-Марш. На карте 1954 года остров заканчивался на Байт-Хиллз, однако с тех пор с запада к нему прибавился еще целый километр поросшей травой почвы: Сколт, как и полагается ребенку, по-прежнему энергично растет. Северное море бывает каким угодно, бывает даже изумительного кобальтового оттенка, но вот бирюзовым – никогда, так что пляж моего детства, остров Сколт Хед, после наших крэкингтонских каникул поражал контрастом: вместо монументальных черных скал Северного Корнуолла и ярко-голубых набегающих волн Атлантического океана передо мной были грязноватые мазки болот и мелкое море, в котором плескались приглушенные оливковые, тускло-коричневые и оловянные краски. Первые пару часов я бродил по Сколту уныло и разочарованно. Казалось, на этом пустынном острове – одни только бурые песчаные дюны да плоские серо-зеленые болота – взгляду не за что зацепиться. И зачем только люди приезжают сюда, когда есть Корнуолл? Однако в Северном Норфолке есть свое неуловимое очарование: оно просачивается в тебя, подобно струйке прилива, в нем нет той помпезности, что в величественных скалах, но есть что-то успокаивающее и в то же время странно неуступчивое.

«Наш ландшафт на семь восьмых составляет небо, – писал детский писатель Кевин Кроссли, голландец, поселившийся на побережье Северного Норфолка, – гигантская перевернутая арена, небесный купол, под которым зачастую разворачивается сразу несколько театров действий. Это пейзаж горизонталей –

линия горизонта, борозды полей, полусгнившие ребра лодки, – где любой вертикальный объект, в том числе человек, часто невольно останавливает на себе взгляд». Я взобрался на самую крутую дюну Сколта, самую высокую во всем Норфолке, с ее укрытыми от ветра ложбинами, поросшими нежно-розовыми треугольниками пирамидальных орхидей, а оттуда спустился на пляж. Сзади слышались семенящие шаги по песку, будто ребенок бежит вприпрыжку – это пустая раковина брюхоногого моллюска катилась по земле, подскакивая на ветру. Рубиновоглазые кулики-сороки и зуйки-галстучники в своем великолепном маскировочном оперении, по-здешнему – песочники, рискнувшие отлучиться от гнезд, сновали над полосой прибоя. Галстучник – коренастая, пугливая и на редкость хорошенькая птичка, грудка у нее белая, шея черная, а лапки и клюв ярко-желтые. Мы-то с вами, если даже и проводим детство на пляже, обычно все-таки там не рождаемся. Вить гнездо на берегу – предприятие весьма опасное, и у галстучников имеется внушительный набор средств защиты от хищников, в частности, от чаек и горностаев. Окраска перьев делает их практически невидимыми среди мелких норфолкских кремешков, а яйца их тем более невидимы: они такие нежно-серо-пестренькие и так похожи на мелкие камешки, что без привычки их почти невозможно отыскать; длинноногий молодняк, едва вылупившись, уже носится по берегу во все лопатки; и, наконец, самая изощренная хитрость: самка неуклюже держит крыло на весу, волочит его по земле или падает, притворяясь смертельно раненой, чтобы хищник отвлекся от поисков гнезда и погнался за ней самой. Все эти уловки, впрочем, никак не спасают от похитителей яиц.

Первые натуралисты убедили Национальный фонд купить Сколт из-за колоний крачек, красавиц с меловыми крыльями, что гнездятся тысячами на здешних отмелях, и с тех самых пор в обязанности смотрителя входит охрана этих птиц – как от лис, так и от двуногих разорителей гнезд. Когда первый «ангел-хранитель» заповедника, Эмма Тернер, поселилась в только что построенной Хижине в 1924 году, это стало настоящей сенсацией. Один джентльмен с Флит-стрит, побывавший там, прозвал девицу-орнитолога, избравшую себе такое призвание – охранять колонии крачек на безлюдном острове, – «самой одинокой

женщиной в Англии». Другие журналисты «хлынули следом ошеломляющим потоком, – вспоминает мисс Тернер в своих мемуарах, – и это продолжалось до тех пор, пока я с отчаяния не сказала перевозчику: "Еще один явится – утопи"». Что сделал перевозчик, осталось неизвестным, но как бы то ни было, цели он достиг: непрошенные визиты прекратились.

Это была необычная работа для женщины, и сама мисс Тернер была весьма неординарной личностью. Альфред Стирс, профессор Кембриджского университета, изучавший Сколт в течение шестидесяти пяти лет и написавший солидный доклад о его природных богатствах, как-то раз застал мисс Тернер в песчаных дюнах за упражнениями в стрельбе из пистолета – очевидно, на случай, если придется защищаться от каких-нибудь малоприятных личностей. Коллекционирование яиц в викторианскую эпоху было настоящей манией, но к ней начали относиться с неодобрением, когда птицы стали более редкими. В том самом 1924 году, когда мисс Тернер прибыла на Сколт, собирать яйца крачек было официально запрещено, а затем последовали новые, еще более строгие законы об охране птичьих гнезд, однако коллекционеры все же пробирались тайком на остров, охотясь за яйцами морских птиц. Особенно ценились у них яйца пестроносых крачек – из-за их причудливой окраски. На этих яйцах, как в облаках, можно было разглядеть то бабочку, то утку, а то и слона, и выручить за них в 1950-е годы можно было по двадцать фунтов за штуку, а это больше четырехсот пятидесяти по нынешним временам.